

Тыцких Владимир. "Нечаянная радость русской поэзии..." [Электронный ресурс] // Сибирские огни. - 2012. - №2. - Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/sib/2012/2/> (Дата обращения: 30.01.2013).

Хомяков, В.И. Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920-1930-х годов [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. н. - 2007. : <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-kartina-mira-v-tvorchestve-p-vasileva-iz-istorii-mirovozzrencheskikh-i-sti> (Дата обращения: 30.01.2013).

2.3. "Моих мучений ветер благодатный": метафизическая традиция в лирике Анастасии Цветаевой 1937-1943 годов (А.А. Медведев)

После 1917 г. О.Э. Мандельштам надеялся, что отделение культуры от государства приведет к новым, свободным отношениям культуры с властью "наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями", о чем он писал в статье "Слово и культура" (1921): "Князья держали монастыри для совета. <...> Внеположность государства по отношению к культурным ценностям ставит его в полную зависимость от культуры" [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 169]. Надежды поэта не оправдались, произошло обратное: терпимое отношение перешло в нетерпимость, государство заставило служить себе культуру. Но была и не сдававшаяся, "катакомбная" культура, положение которой оказалось близким к положению церкви в атеистическом государстве: "Да, старый мир - "не от мира сего", но он жив более, чем когда-либо. Культура стала церковью. Произошло отделение церкви-культуры от государства. <...> теперь всякий культурный человек - христианин" [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 168]. О том, что эти слова Мандельштама оказались пророческими свидетельствует не только трагическая судьба самого поэта, но и целая "агиография" русской ли-

тературы XX века. Судьба А.И. Цветаевой (1894 - 1993) со всей, как она говорила, "сложностью прокатившейся по моей спине эпохи" тому подтверждение.

А.И. Цветаева известна прежде всего книгой "Воспоминания", вышедшей в 1971 г. и имеющей на сегодняшний день семь переизданий, переведенной на многие языки. Лирическая эпопея, в которой Б.Л. Пастернак ощутил "восстановленный жар тех дней!", а П.Г. Антокольский - "гений памяти", является одним из вершинных образцов русской прозы XX вв. и европейского модернизма. Как поэт Цветаева почти неизвестна, хотя о своих стихах она сказала: "...Пройдут года. Из хладного их пепла / Мой фениксом восстанет жаркий стих" [Цветаева, 1995, с. 33]; "- Это моё предсмертное торжество, что узнают про мои стихи. И что они нисколько не походят на Маринины..." [Козлова, 2010, с. 39-40].

Цветаева начала писать стихи в сорок лет, в 1934 г., на английском языке (1) - лирическим импульсом стала работа над переводом книги "величавого поэта в прозе" Т. Карлейля (2) [Цветаева, 1992b, с. 210]: "Да, ты создатель моего стиха", - признается она в стихотворении на английском языке "To Thomas Carlyle" [Цветаева, 1995, с. 195-197]. Первым ее русским стихом было стихотворение памяти Л. Ф. Шевелёва (3) "Ушедшему Другу" [Цветаева, 1995, с. 19], написанное в 1935 г. Но "поток" стихи начались, когда Цветаева находилась в тюремном заключении в Бутырках (4) (сентябрь 1937 - январь 1938 гг.): "Поток стихов залил мои тюремные дни (стихи, рожденные в воздух, утвержденные памятью, ибо даже карандаш в советских тюрьмах был запрещен)" [Цветаева, 1992, с. 180]; "Записывать было не на чем, приходилось их запоминать. Так - в памяти - и сохранила она их, потом записала" [Козлова, 2010, с. 39-40]. Стихи продолжились и в феврале 1938 г. во время этапирования на Бамлаг: "Мы ехали в лагерь месяц, и все эти стихи тоже писались в воздух" [Козлова, 2010, с. 40]. Стихи Цветаева писала и в лагерях до августа 1943 г., когда узнала о гибели сестры: "Стихи продолжались и в лагере. Но с дня, когда я узнала о гибели Марины, стихи иссякли. И только через 31 год, в 1974 году я написала "Мне 80 лет", мое последнее стихотворение" [Цветаева, 1992, с. 180]; "Было дарование. Оно началось на сорок первом году и кончилось, когда я узнала про смерть Марины. И она не узнала, что я тоже пишу стихи. Какие-то первые попали к ней, но... слабые" [Козлова, 2010, с. 40].

Стихи Цветаевой начали публиковать в периодике конца 1980-х - первой половины 1990-х гг. (5), они вошли в роман "Амор" (Амор: Роман и повесть. М.: Современник, 1991. 494 с.), 20 стихотворений были опубликованы в книге стихов "Тетрадь Ники" (М.: Возвращение, 1992. 35 с. (Поэты - узники ГУЛАГа, Мал. сер.)). Наиболее полно стихи Цветаевой представлены в посмертном сборнике 1995 г. [Цветаева, 1995, 207 с.].

Поэтическое творчество Цветаевой связано прежде всего с пережитыми сталинскими репрессиями. Внучка Цветаевой О. А. Трухачёва писала о годах ее заключения (в совокупности Цветаева провела в тюрьмах, лагерях и ссылках более 15 лет, от Москвы была оторвана на 22 года): "Всего из жизни вычеркнуто 17 лет. С 1937 г. по 1947 г. "путешествовала" по Дальнему Востоку. За 10 лет 25 переездов (иногда пешком). Работа вначале общая, а последние четыре года для "интеллигенции". Затем года через полтора снова в путь. Не сразу, через несколько месяцев - в Сибирь <...> пережитое не ожесточило, а наоборот, сделало ее особенно отзывчивой и чуткой к чужому горю. Помогает, конечно, и вера" [Цит. по: Пухальская, 1996, с. 24-25]. Годы лагерей и ссылки Цветаева восприняла по-христиански как волю Божию: "Никого не обвиняю. Колесо истории прокатилось и по мне" [Донская, 2002, с. 3].

Цветаевские стихи насыщены интертекстуальными отсылками, создающими в ее поэзии пространство мировой культуры (европейская и русская литература, живопись, музыка...). Этот поэтический "пир" культуры во время чумы ("О лучший гость земель, времён и лир!" [Цветаева, 1995, с. 46]), альтернативное страшной реальности духовное пространство (символом его выступает Феб (Аполлон) - бог света, пророческого дара, поэзии, предводитель Муз, в честь которого назван одноименный цикл) помогло Цветаевой выжить в тяжелейших условиях лагеря, не "замечать" его: "они [большевики. - А.М.] хотели, чтобы я их заметила, для этого они сажали меня - в тюрьму, в лагерь, потом в ссылку "навечно"... Но я их - не заметила!..." [Цветаева, 1995, с. 165].

Для цветаевской поэзии значима романтическая традиция в лице Лермонтова и метафизическая лирика Тютчева: "признаёт стихи только Лермонтова и Тютчева..." [Смирнов, 2010, с. 31]. Поэзия Цветаевой пронизана глубоким религиозным мироощущением,

отдельные стихи близки псалмической молитве, для которой характерны глубоко личное призывание Бога и Божией Матери, воззвание "De profundis" о помощи и заступничестве ("Сюита оконная" (<1937>), "Разрешающий аккорд (утешение)" (<1943>), "Благовещение" (<1938>)), благодарение Творца ("Заката огненные воды") и созерцательный восторг перед красотой Божьего Творения ("Доминант-аккорд (Летняя ночь)"). Духовный переворот, обращение к Богу Цветаева пережила после смерти мужа и сына в 1917 г. В 1922 г. произошла ее встреча с Б.М. Зубакиным, которого Цветаева называла "многолетним другом", "духовным отцом", "самой крупной, величавой фигурой, ни с кем не сравнимой" в ее жизни: "С тех пор все вопросы моей жизни - НЕ философские - те он на век разрешил, а тактику жизни я выполняла с помощью советов разных священников" [Цит. по: Васильев, 2004, с. 174]. Зубакин во многом определил ее духовный путь - под его влиянием 28-летняя Цветаева возвращается к церковной жизни, становится по сути монахиней в миру: не принимая пострига, дает тайные обеты целомудрия, нестяжания, невкушения мяса и отказа от лжи. В своем духовном пути Цветаева актуализировала "великое послушание в миру", на которое Достоевский благословил Алешу Карамазова [Достоевский, 1976, т. 14, с. 71-72] и которое в XX столетии нашло свое продолжение в подвижничестве великой княгини Елизаветы Феодоровны, матери Марии (Скобцовой), в жизни А.Ф. Лосева, М.В. Юдиной, Н.А. Павлович и др., соединивших монашеское делание с каритативным служением ближнему. Цветаевская религиозность соединила в себе глубокое церковное православие, глубокий мистицизм, русскую и европейскую религиозно-философскую традиции (6).

"Ведь это Книга Царств торжественно раскрыта": библейский код советской истории

В открывающем цикл "Феб" стихотворении "Сюита оконная" (<1937>), написанном накануне этапирования в лагерь, политические репрессии приобретают эпический библейский масштаб:

<...>

Какие наступили времена!

Рахили плач по всей родной земле,
 Дорожный эпос, неизвестный путь,
 Мороз и голод, вши - и на коне
 Чума иль тиф догонят где-нибудь...
 - О Боже! Помоги принять не так
 Свою судьбу. Не как змея из-под копыта!
 Ведь это Книга Царств торжественно раскрыта,
 А к солнцу нет пути, как через мрак!
 [Цветаева, 1995, с. 25].

Сталинские репрессии воспринимаются сквозь призму Священной истории - безутешного плача праматери Рахили о сынах своих (израильтянах как ее потомках), уведённых в вавилонский плен (Иер. 31, 15-17) (7), и евангельского избиения младенцев в Вифлееме (Сталин соотносится с Навуходоносором и царем Иродом) (8). Период репрессий соотносим с вавилонским и ассирийским пленением Израиля ("Книга Царств"). Цветаева имеет в виду Четвертую Книгу Царств, повествующую об ассирийском плене в период Израильского царства и о вавилонском плене в период Иудейского царства. Порабощение, утрата свободы (9) осмысливается в Библии как результат непослушания израильтян заповедям Божиим. Вавилонское пленение выступает исторической аналогией сталинскому ГУЛАГу: "Состояние иудеев в вавилонском плену было несколько похоже на состояние их предков в Египте. Масса пленного народа несомненно употреблялась на земляные и другие тяжелые работы. <...> Заканчивая свои дневные работы где-нибудь на каналах и сидя на этих "реках вавилонских", пленники плакали при одном воспоминании о Сионе и помышляли об отмщении "окаянной дочери Вавилона, опустошительнице" (как это изображено в Псалме 136). Под тяжестью постигшего иудеев испытания, у них сильнее, чем когда-либо, пробуждалось раскаяние в прежних беззакониях и прегрешениях и укреплялась преданность своей религии" [Лопухин, 1891, т. V(9), с. 328]. В контексте библейского хронотопа "вавилонский плен" советской истории воспринимается Цветаевой, верящей в исход из "мрака", как необходимость, без которой нет пути к "солнцу".

Ближние историко-культурные аналогии у Мандельштама возникли в 1923 г., в эссе "Гуманизм и современность" поэт предупреждал о монументальном тоталитаризме "надвигающейся социальной архитектуры", проводя параллели с Ассирией, Вавилоном и

Египтом как враждебными человеку антигуманистическими культурами, питающими "свое величие его унижением и ничтожеством", утверждающими, что "им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него": "Ассирийские пленники копошатся, как цыплята, под ногами огромного царя, воины, олицетворяющие враждебную человеку мощь государства, длинными копьями убивают связанных пигмеев, и египтяне и египетские строители обращаются с человеческой массой, как с материалом, которого должно хватить, который должен быть доставлен в любом количестве. <...> Если подлинно гуманистическое оправдание не ляжет в основу грядущей социальной архитектуры, она раздавит человека, как Ассирия и Вавилон" [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 205, 207]. В эссе "Девятнадцатый век" (1922) Мандельштам пророчески писал, что XX столетие "начинается под знаком величайшей нетерпимости, исключительности и сознательного непонимания других миров": "В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных монументальных культур, быть может египетской и ассирийской <...>" [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 200]. Задачу "потерпевших крушение" выходцев XIX века Мандельштам видел в том, чтобы "европеизировать и гуманизировать" "огромное и жестоковейное" XX столетие, "согреть его телеологическим теплом" [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 200-201].

Историко-культурная аналогия советской системы с Ассирией будет продолжена А. Тарковским в стихотворении "В музее" (1960):

Это не мы, это они - ассирийцы,
 Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
 Глинобродные боги-народоубийцы,
 В твердых одеждах цари, - это они!
 <...>
 Я проклинаю подошвы царских сандалий.
 Кто я - лев или раб, чтобы мышцы мои
 Без возданья в соленую землю втоптали
 Прямоугольные каменные муравьи?
 [Тарковский, 1993, с. 223].

Продолжая эту ассирийскую аналогию, Б. Кенжеев в стихотворении "Памяти Арсения Тарковского" видит в поэте пророка, "оскорбленного" "ассирийским веком":

Пошадил камни тебя, пророк,
в ассирийский век на святой Руси,
<...>
Царь хромой в изгнании. Беглый раб,
утолявший жажду из тайных рек,
на какой ночевке ты так озяб,
уязвленный, сумрачный человек?
[Кенжеев, 1995, с. 22].

"Владимирка": метафизика каторжной дороги

В стихотворении "Сюита оконная" (<1937>) Цветаева, находясь в тюрьме накануне смертельно опасного этапирования в лагерь, создает образ ожидающей ее дороги на Дальний Восток (10), которая маркируется как "дорожный эпос", "неизвестный путь", судьбоносное испытание, долгая разлука с близкими; каторжный путь конституируется образами мороза, голода, вшей, непредсказуемой, случайной смерти от болезней (чума, тиф) [Цветаева, 1995, с. 25-26].

Теме пешего этапирования заключенных посвящено стихотворение "Буря" (цикл "Пёс под луной"), где Сибирь предстает как труднопреодолимое пространство беспощадной к человеку природы и конституируется образами снежных заносов, каторжного бурана, этапа, обманчивого миража (Фата моргана):

В снеговых заносах, в каторжном буране
Спотыкается этап. Пошадил нет:
Падаю, но не сдаюсь Фатаморгане:
Быль была, но ей уж сотня лет -
То они в бреду бредут меж нами,
Или это мы парим меж них <...>
[Цветаева, 1995, с. 81].

Образ этого этапирования отсылает к поэме Н.А. Некрасова "Княгиня Трубецкая (1826 год)", в которой физически невыносимое этапирование под конвоем ("Вас по этапу поведут / С конвоем...") связано с массовой гибелью арестантов:

Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня - привал,

С закатом дня - ночлег,
А ураган в степи застал -
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...
[Некрасов, 1982, т. 4. с. 146].

Каторжный путь вписывается в широкий историко-культурный контекст, эпический хронотоп ("истории буран"), включающий в себя образы французских военнопленных (отступление французских солдат из России в 1812 г.), обреченных на вечное скитальчество Агасфера (11) и призрачного Летучего Голландца, предвещающего гибель (12):

Но незримых шапок гренадерских ношей
(Радугой) восходит благодать.
То истории буран летит над нами,
Агасферову мы обгоняй тень,
То Летучего Голландца призрачное знамя,
Жизни жабры дышат только с н а м и,
Я в о с н е этапный вижу день!
[Цветаева, 1995, с. 81].

Это "сновидческое" восприятие каторжного пути в пространстве культуры помогает героине выжить в физически невыносимых условиях.

Образ дороги в стихотворениях "Буря", "Сюита оконная", "Путевое" вписывает их в традицию русской лирики XIX-XX вв., посвященной каторжной дороге в Сибирь, символом которой стала знаменитая "Владимирка" (народное название Владимирского тракта, по которому с XVIII в. до середины XIX в. пеше-этапным порядком отправляли в Сибирь осужденных на каторгу): "Колодник" (1840) А.А. Фета, "Колодники" А.К. Толстого (1850-е гг.), "Владимирка" (1858) и "Полоса" (1861) Вс.В. Крестовского, "Благодарение господу богу..." (1861-1863), "Еще Тройка" (1867) Н.А. Некрасова, "В том краю, где желтая крапива" (1915), "Наша вера не погасла" (1915) С.А. Есенина (13). Образ этой дороги отразился и в живописи: "Владимирка" И.И. Левитана (1892, Москва, Третьяковская Галерея), которую М. Нестеров определил "русским историческим пейзажем", одноименная картина А.М. Лаптева, "Привал арестантов" В.И. Якоби (1861, Москва, Третьяковская Галерея), "По Великому Сибирскому пути (В ссыл-

ку)" (1883, холст, масло, Художественный музей Алтайского края)
Н. Е. Сверчкова.

В стихотворении "Даль" (цикл "Пёс под луной") даль и открывающаяся за ней "Земля Обетованная" (14) выражают метафизически присущую душе неодолимую устремленность к свободе ("единое стремление"):

Ничто не утолит - ни радость обладанья,
Ни очага священное тепло.
Чрез dolce встречи, forte расставанья
Единое стремление пролегло.
И пёс от века служит господину
И яблоко ньютоново - земле,
И стрелка компаса, свободы хлад отринув,
Трепещет ласточкою синей на стебле!
Лишь в сказке злой томит Фатаморгана,
Детей уводит дудкой Крысолов,
- О нет! О нет! Земле обетованной
Звучит упрямый неутешный зов!
О даль, о даль! И нет тебе названья,
Темна как ночь, прозрачна как стекло -
Не утолит ни радость обладанья,
Ни очага священное тепло...
[Цветаева, 1995, с. 86].

Метафизике дали противоположны образы пути, ведущего в небытие, - обманчивый мираж (Фата моргана) и Крысолов (15).

Метафизика пути раскрывается и в стихотворении цикла "Пёс под луной" "Другу" (<1940>), посвященном памяти Л.Ф. Шевелёва:

Над двором, и грязным, и пустынным,
На небе первая горит звезда.
Задыхаясь жизненной тиной
Вверх гляжу. Когда же, о когда
Крылья распахнувши за спиною
И скорбя о тех, кто ещё тут,
Без помехи тела, без конвою
Пронесусь я вечером вот тут,
Над двором и грязным и пустынным,
Над тобой, ушедшая земля,
До скончанья лет сей мир покинув,

И тревожным жалобам внимля... -
Знаю, знаю - это за собою
Ты меня зовёшь, ушедший друг, -
Связаны единою судьбою,
Введены в единый света круг...
[Цветаева, 1995, с. 87].

Горизонталь лагерного хронотопа (грязный и пустынный двор, "тьма", "жизненная тина", "тело", "конвой"), выражающего несвободу и насилие, противопоставлена метафизическая вертикаль библейского ландшафта - "первая" звезда, "благодатная звезда пустыни", "облако над скинией", указующие "путь во тьме":

Вечером, как облако над скинией,
Ты таинственно мерцаешь мне,
Благодатная звезда пустыни,
Указующая путь во тьме!
[Цветаева, 1995, с. 87].

"Благодатная звезда пустыни", отсылающая к Звезде Рождества, указавшей волхвам путь в Вифлеем для поклонения Богомладенцу (Мф. 2, 9-11) (16), а также "облако над скинией" как путеводный знак в землю Обетованную (17) выражают веру героини в бессмертие души ушедшего друга и ее духовную устремленность последовать за ним.

"Да, это Дантов ад": Inferno

Инфернальный мотив становится ключевым уже в стихах, отражающих невыносимые условия тюремного заключения: "В камере на 40 мест 170 заключенных женщин" [Цветаева, 1995, с. 29]. В "Сюите оконной" (<1937>) inferno тюрьмы - телесно-бытовое, коллективное пространство, в котором человеку невозможно уединиться:

<...>

О одиночество! Бесценный дар!
Молю о нём, - отказано судьбой.

Да, это Дантов ад. Тела, тела...
Поют и ссорятся, едят и пьют.
Какому испытанью предала
Меня судьба! <...>
[Цветаева, 1995, с. 25].

Этот inferнальный опыт "ада" советской тюрьмы сопоставим с описанием каторжных нравов в "Записках из Мертвого дома" Достоевского, особенно с описанием бани, которое Тургенев назвал "дантовским": "Но собственной работой занималась, может быть, только треть арестантов, остальные же били баклуши, слонялись без нужды по всем казармам острога, ругались, заводили меж собой интриги, истории, напивались, если наворачивались хоть какие-нибудь деньги; по ночам проигрывали в карты последнюю рубашку, и все это от тоски, от праздности, от нечего делать. Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: *вынужденное общее сожительство*"; "места и под лавками были все заняты; там тоже копошился народ. На всем полу не было местечка в ладонь, где бы не сидели скрючившись арестанты, плескаясь из своих шаек. <...> Обритые головы и распаренные докрасна тела арестантов казались еще уродливее. На распаренной спине обыкновенно ярко выступают рубцы от полученных когда-то ударов плетей и палок, так что теперь все эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня мороз прошел по коже, смотря на них. <...> Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место" [Достоевский, 1972, т. 4, с. 21-22, 98-99].

Пространству тюрьмы, закрытость которого подчеркнута кольцевой композицией, противопоставлены духовное пространство внутренней свободы - уединение в "тихой" поэзии и открытое пространство осенней природы в её бесконечности:

...Как странно начинать писать стихи,
Которым, может, век не прозвучать...
Так будьте же, слова мои, т и х и,
На вас тюремная лежит печать.
<...>

В окне стремясь, в окно летя, туда
Где осени невиданной руно
С лазурью неба празднует союз,
В нераскрывающееся окно,
Куда я телом слабым горько рвусь.
[Цветаева, 1995, с. 25].

Инфернальный мотив продолжен в "Сюите призрачной" (<1937>), где ад противопоставлен горнему миру:

Довоплощённое до своего предела
Граничит с призрачным, как Дантов ад.
Над небывалым зрелищем осиротелых
Жён, матерей - ночи тюремной чад
<...>

Когда ж, устав от зрелища, о хлебе
Молю - на веки сходит лёгкий сон,
Я реки призрачные вижу в небе,
Я церкви горней слышу дальний звон...
[Цветаева, 1995, с. 28].

В стихотворении "Натюрморт" inferнальный мотив связан с утолением голода:

О, к а к едят! Селёдку рвут руками
Фольгу об пол (То зреет Дантов ад), -
Пьянеют от колбас. Под ада пламя
Снега Кавказа тают в шоколаде...
[Цветаева, 1995, с. 32].

Инфернальное пространство лагеря ("трёхмерность ада") в стихотворении "Гитара" (цикл "Пёс под луной") конституируется образами "фанерной" стены, "ледяных лучей" луны, тоски (циклообразующий мотив собачьего воя на луну), вшей, туч, "ледяной ямы", "ночи", "раненой совы":

Звон гитары за стеной фанерной,
Рая весть в трёхмерности аду.
Это всё, что от четырёхмерной
Мне ещё звучит. В немом ладу
Со струями струй, луна литая
Лейкой льёт ледяные лучи
На картину, что я с детства знаю:
"Меньшиков в Берёзове". Молчи, -
Слушай эту песню за стеною,
Дрожью пальца на одной струне,
Так поют, что я сейчас завою
На луну, как пёс, И что луне
Нестерпимо плыть над лагерями.
Вшами отливает пепел туч

Оттого, что поскользнувшись, в яме
Ледяной лежу <...>
[Цветаева, 1995, с. 82].

Экфрастическим описанием картины В.И. Сурикова "Меншиков в Берёзове" (1883, Москва, Третьяковская галерея) Цветаева, соотнося свое состояние в лагере с состоянием Меншикова (18) и его дочери (19) в сибирской ссылке, выражает духовный идеал личности: дочь сохраняет духовную чистоту и бесконечную внутреннюю свободу (20):

<...> и что могуч
На картине Меньшиков надменный,
Дочь кувшинкою цветёт в реке
Кротости, и взор её вселенную
Держит, словно яблоко, в руке!
[Цветаева, 1995, с. 82].

Однообразие лагерного существования, выраженное кольцевой композицией, преодолевается "тихой вечностью" (звук гитары как "рая весть"):

Звон гитары за стеной фанерной,
Рая весть в трёхмерности аду.
Это всё, что от четырёхмерной -
С тихой вечностью в ладу
[Цветаева, 1995, с. 82].

Искусство (музыка, живопись) духовно противостоят предельной несвободе лагерной жизни, спасая человека от тоски, сохраняя его душу в "ладу" с "тихой вечностью" [Цветаева, 1995, с. 82].

В стихотворении-молитве "Благовещение" (цикл "Мыльные пузыри") (<1938>), сложенном Цветаевой в традициях духовного стиха в Праздник Благовещения 7 апреля (21), но записанном по памяти спустя годы (в 96 лет), лагерь - инфернальное пространство ("смрадный ад"), в котором страдают "измученные, искалеченные" люди:

Этот день даже в лагере, даже в аду
Ото всех он от дней - отмеченный.
Потихоньку земной поклон кладу
В Благовещение.
В Благовещение птица гнезда не вьёт (22),
И косы не плетёт девица,
Православный же, некогда славный народ

Забывает тебе молиться,
Божья Мать! Взгляни на наш смрадный ад,
На измученных, искалеченных!..
Скоро вечер. Под тучами светел закат
В Благовещение
[Цветаева, 1995, с. 134].

Инфернальное пространство лагеря становится местом кенотического (23) схождения Божией Матери, в лагерном пространстве проступает мистический хронотоп знаменитого древнерусского апокрифа "Хождение Богородицы по мукам" (XII-XIII вв.): увидев мучающихся в аду, милосердная Заступница не может перенести их мучений ("я видела и не могу переносить их мучений, пусть буду и я мучиться вместе с христианами" [Хождение, 2004, т. 3, с. 317]) и молит Бога о помиловании грешников; услышав всеобщую молитву Богородицы, архангелов, ангелов и святых, Бог дает беспрерывно мучающимся "покой от Великого четверга до святой Пятидесятницы". В апокрифе является ключевой оппозиция тьмы (в которой скрыты "великие мучения" грешников (24)) и божественного света, даруемого Богородицей и Христом: Богородица рассеивает "тьму великую", чтобы увидеть мучающихся грешников, никогда не видевших света ("Святая Богородица взглянула на них и горько заплакала (восплакася велми)" [Хождение, 2004, т. 3, с. 309]); благодаря схождению Богородицы в "глубокую тьму" "спокон века" не видевшие света грешники увидели "Пресвятую в окружении ангелов" ("сияние света вечного") [Хождение, 2004, т. 3, с. 315]; "сидящие во тьме" увидели сходящего с невидимого престола Христа, Который "светлее, чем семь солнц" [Хождение, 2004, т. 3, с. 309, 321]. В стихотворении этот божественный свет во тьме ада выражен образом "светлого заката", являющегося ответом на молитву Божией Матери о помощи.

Стихотворение "Что терпит он, народ многострадальный" (цикл "Мыльные пузыри") двупланово: земная история народа, исполненная страданий, связана с космическим (астрологическим (25)) пространством:

Что терпит он, народ многострадальный,
За годом год, за веком век!
А Сириус и Марс, как над ребёнком спальней,
Горят везде, где дышит человек.

Моя Медведица! Как часто эти руки
К тебе тяну я в черноте ночи, -
И рифмы мне не надо, кроме Муки,
Которой быют кастальские ключи
[Цветаева, 1995, с. 132].

Сириус (26) и Марс (27) в кольцевой строфе астрологически символизируют страдание человека в истории. Созвездие Большой Медведицы (28) и поэзия (кастальские ключи) выступают символом спасения.

Дантовский образ ущелий (29) - символ вечной разлуки и страдания:

По Дантовским ущельям расставанья,
Вокруг Луны - огромный света круг
Всё ширится. И тихо в Божьи длани
Восходит дым немислимых разлук
[Цветаева, 1995, с. 132].

"Черноте ночи", луне (символ бесконечных мучений, разлук) противопоставлен небесный свет ("звёзден неба сев", заря, "звезда предутренняя"), выражающий веру в спасение:

Всё выше мук и их теней ступени,
Но синева торжественна ночи.
Черны, страшны ночных деревьев тени,
Но звёзден неба сев! Крепись, молчи!
[Цветаева, 1995, с. 132].

Сталинские репрессии воспринимаются эпически как "лесоповал истории", который "поглотит" река Забвения ("Лета"), а душа человеческая, пройдя сквозь мучения, вернется в небесный мир духа:

И разве я одна! Не сотни ль рук воздеты
Деревьями заломленных ветвей,
Лесоповал истории. Но Лета
Поглотит и его, - о, выше вей

Моих мучений ветер благодатный,
Сквозь ночи тьму к заре пробейся ввысь,
Звезда предутренняя в лиловой
Бездонности - меня зовёт - Вернись!
[Цветаева, 1995, с. 132].

"Тишина над тайгой вся в звёздах - о Боже!": Рай и Богоприсутствие

В стихотворении "Есть такие города на этом свете" (цикл "Пёс под луной"), посвященном этапированию заключенных в лагерь, сибирские топосы (Байкал, Иркутск, Владивосток), выступая антитезой закрытому пространству тюрьмы ("решетка"), предстают свободным природным и духовным пространством, освященным присутствием любимого человека - Н.Н. Миронова (30). В сибирском ландшафте видится библейский рай:

То Иркутск, тут Коля жил Миронов -
Юности моей девятый вал!
Как горит хрусталь крутых еловых склонов,
Раем распростёрся твой Байкал!

Тёмная заря над Ангара разливом,
Да последний огонёк в ночи,
Да холодный снег по прежде тёплым нивам -
Это ль не к символике ключи?
[Цветаева, 1995, с. 79].

Преображенное светом любви героини в райскую красоту сибирское пространство (Иркутск, горы, Байкал, Ангара) пронизывают мотивы чистоты, прозрачности, света, огня, холода ("хрусталь", "заря", "огонек", "холодный снег", "мороз", "жаркий шар" солнца, "сталактитовы моря небес") [Цветаева, 1995, с. 79-80].

Стихотворение "Доминант-аккорд (Летняя ночь)" (цикл "Пёс под луной") строится на трагическом контрасте созерцания первозданной красоты летней ночи и противоестественной жизни человека в лагере. Божественная первозданность сибирской природы конституируется образами тишины, тайги, звездного неба, молитвенного возгласа, летней ночи и Творца:

Тишина над тайгой вся в звёздах - о Боже!
Да ведь это же - летняя ночь!
А я в лагере! Что же мне делать, что же?
Жить этой ночью - невмочь.

Тяжелая лагерная жизнь ("оковы"), нарушая естественный ход человеческой жизни, сжимает время и приближает старость:

Соловей - это юность. Кукушкины зовы -
Это детство. Земной зенит!

На седеющих крыльях моих - оковы,
А старость - как коршун кружит!..
[Цветаева, 1995, с. 84].

Ключевым концептом в этом стихотворении является "тишина", выражающая присутствие Творца в творении, в первозданной красоте сибирской природы, создающая молитвенное состояние души ("Вот все уснут, и в ночи тишине / Смирненно буду я молить у Бога" [Цветаева, 1995, с. 40]; "Потихоньку земной поклон кладу / В Благовещенье" [Цветаева, 1995, с. 134]) и усиливающая молитвенную созерцательность в восприятии мироздания в образе таинственно мерцающей звезды [Цветаева, 1995, с. 87, 103, 132, 135] и восхода солнца ("Я не сплю, вокруг дыханья тишь... / <...> Солнце выплывает лёгким жарким шаром / В сталактитовы моря небес!" [Цветаева, 1995, с. 79-80]) как знаков Богоприсутствия и духовного спасения (31).

Тишина, тихость становится ключевым мотивом в лирике Цветаевой: тюремные стихи - "т и х и" ("...Как странно начинать писать стихи, / Которым, может, век не прозвучать... / Так будьте же, слова мои, т и х и, / На вас тюремная лежит печать" [Цветаева, 1995, с. 25-26]). Молчание и тишина выражают глубину страдания: "<...> Молчи, - / Слушай эту песню за стеною, / <...> Так поют, что я сейчас завою" [Цветаева, 1995, с. 82]; "<...> И тихо в Божьи длани / Восходит дым немислимых разлук. // <...> Черны, страшны ночных деревьев тени, / Но звёзден неба сев! Крепись, молчи!" [Цветаева, 1995, с. 132]; "Молчания забралами покрою / Моей судьбы неуловимый лик!" [Цветаева, 1995, с. 103].

Тишина знаменует собой переход в иной мир: только ночная тишина ("Миг совершенно смертной тишины") позволяет в переполненной тюремной камере уйти "в Великий / И тихий космоса зелёный океан" [Цветаева, 1995, с. 29]); ночная тишина выступает границей перехода в иную реальность ("Мой собеседник тихо з а с ы п а е т! - / <...> ...И снова вечер, и опять мой друг / По просьбе тихой место уступает / Сопутнику, чей несравненный круг / Высокой дружбой сердце согревает / И тихо мы беседуем о том <...>" [Цветаева, 1995, с. 74-75]).

В аду тюрьмы и лагеря тишина - священна ("В раю - средь ада - в тишине / священной" [Цветаева, 1995, с. 42]). Эпитет "тихая" выражает сущность вечности: "С тихой вечностью в ладу" [Цветаева, 1995, с. 82]; "Из мрака тела - в дух, где тихо и светло!"

[Цветаева, 1995, с. 135]. В последнем стихотворении Цветаевой "Восемьдесят лет" (1974) образ молчания также является ключевым, выражая томление духа по иному миру:

Уж ведомо предвестие томленья
Тоска веселья, трезвость на пиру,
Молчания прикосновенье
К замедлившему на строке перу
[Цветаева, 1995, с. 136].

Тихость является важной чертой в духовном облике Б.М. Зубакина, отсылающей к словам Христа об апостолах ("будьте мудры, как змии, и просты, как голуби" (Мф. 10,16)): "И день влача / Как улитка дом, ползти тихонько к смерти / Тих как голубь, мудрый как змея..." [Цветаева, 1995, с. 93].

В отрывке "Весна" весенняя тишина, приобщая к весеннему освобождению природы, возвращает хотя бы на время ощущение свободы:

...Тишина, и первое тепло, и крики птички -
Тенью раскалённой тишины.
Я на миг - одна. На краткий миг обличье
Жизни - прежнее, и беззаботно кличет
Сердце всласть дыханья и весны..."
[Цветаева, 1995, с. 133].

В этом созерцательном переживании тишины Цветаева продолжает романтическую традицию сакральности, апофатической "не-сказанности" тишины и молчания, а также традицию христианского исихазма (32), который и был духовным источником романтического культа тишины и молчания (33).

Богословский ключ к цветаевскому восприятию тишины и молчания - эпиграф к первой главке "Любите молчание" французской книги о знаменитой католической святой Бернадетте Лурдской (34), переведенной Цветаевой в 1976-1987 гг. Приведенные в эпиграфе слова выражают исихастское богословие молчания: "Будьте внимательны к тому, чтобы удержать ваш язык и наблюдать за собой. Пусть скромность и милосердие раскрывают ваши уста. И вводите в жизнь вашу совет св. Грегуара - нарушать молчание лишь такими словами, которые стоят больше молчания (35). Молчание - самый верный знак присутствия Божьего в душе. *Дом де Лавейн, основатель Общины сестер в Невере*" [Сен-Пьер, 2006, с. 5]. Это исихастское понимание молчания проявляется и в сло-

вах Цветаевой: "Не досадуя на своих ближних, но сострадай им... А мы разве **так** живем? И мы вместо сладости молчания - в горечи осуждающих слов..." [Встреча с Вечностью, 2004, с. 196-197].

В финальном стихотворении цикла "Мыльные пузыри" "Разрешающий аккорд (утешение)" (1943, сталинский лагерь на Дальнем Востоке) "мрак тела" (физические страдания от голода, холода, болезней) преодолевается силой человеческого духа:

Чего страшусь? И глад и хлад минуют,
Недуг, сжигая тело, поит дух,
И зов о помощи не пребывает втуне
Доколь смиренья факел не потух.
[Цветаева, 1995, с. 135].

Единственным спасением является вера в Бога и молитва, ответом на которую становится "Звезды предутренний мерцающий алмаз" и утреннее преображение природы:

Я верую. О Боже, помоги же,
В ничтожества и затемнения час
Молю, а из-за туч восходит, вижу
Звезды предутренний мерцающий алмаз
[Цветаева, 1995, с. 135].

Библейский и дантовский лейтмотив Венеры как звезды утренней (36), присутствующий и в стихотворении "Что терпит он, народ многострадальный" ("Звезда предутренняя в лиловой / Бездонности" [Цветаева, 1995, с. 132]), символизирует спасение (37).

В пространстве дальневосточного края, конституируемом образами туч, звезды, гор (38), крыльев, небосклона, "золотой солнечной пыли", проступает метафизический библейский ландшафт присутствия Божия и Богообщения:

Воздушных гор лиловые воскрылья
Грядой крылатою покрыли небосклон,
И золотою солнечною пылью
Весь край дальневосточный напоён.

Предельная "каторжная" ситуация, телесные страдания только усиливают человеческий дух ("недуг, сжигая тело, поит дух"). Исходом, избавлением от физических страданий видится телесная смерть как освобождение крылатой души и приобщение ее вечности и бессмертию:

Недолго нам от вечности таиться,
Запятав голову под смертное крыло, -
Настанет час души! И вещей птицей
Бессмертия живой воды напиться
Из мрака тела - в дух, где тихо и светло!
[Цветаева, 1995, с. 135].

Таким образом, метафизичность поэтики цветаевской лирики проявляется в ее близости к псалмической молитве, в эпическом библейском хронотопе ("вавилонский плен" советской истории), в историко-культурной, мифологической символике каторжного пути (Фата моргана, Агасфер, Летучий Голландец, "Владимирка", Крысолов и др.), в библейском ландшафте (звезда, пустыня, облако над скинией, Обетованная земля), выражающем метафизику свободы, веру в бессмертие души, Божие присутствие и Богообщение; в инфернальном восприятии тюрьмы и лагеря, в метафизическом переживании музыки и живописи (экфрасис суриковской картины, выражающий духовную чистоту и свободу личности), в кенотическом схождении Божией Матери в ад лагеря, в образах райской, первозданной природы, в астрологической символике, в христианской и романтической символике тишины и молчания.

В поэзии А.И. Цветаевой, созданной в тюрьме и лагерях, вопреки официальной советской культуре продолжается метафизическая традиция классической культурной парадигмы (античная, дантовская, древнерусская традиции...), что свидетельствует о ее непрерывности в катакомбах советской эпохи. Сама экзистенциальная ситуация лагеря рождает цветаевскую поэзию как метафизический ответ на реальность "данного века", пробудившего "к поэзии призыв, и царственный и кроткий!" [Цветаева, 1995, с. 75].

Примечания

1. "Рассказала мне Анастасия Ивановна и о том, что она начала писать стихи, когда ей исполнилось сорок лет. Первое стихотворение она написала на английском, оно "нахлынуло" неожиданно. По-английски оно называется "Maturity" - "Зрелость". В моих руках лист машинописного текста. Много незнакомых слов. Но хорошо заметна музыка, мелодика, ритм, звучание" [Пчелин, 2010, с. 563].

2. Томас Карлейль (1795-1881) - английский религиозный философ и писатель. Цветаевой была переведена ("конгениально", по мнению специалистов) книга Карлейля "О героях, почитании геро-

ев и героическом в истории", но издать перевод она не смогла по политическим причинам [Цветаева, 1992b, с. 212-213]. После ее ареста в 1937 г. архив Цветаевой, где находился и этот перевод, был изъят и уничтожен НКВД.

3. Шевелёв Леонид Федорович (1903-1936) - духовный ученик Б.М. Зубакина, после его ареста в 1929 г. - руководитель ложки розенкрейцеров. Погиб на железной дороге при невыясненных обстоятельствах (возможно, был сброшен с поезда). На протяжении многих лет после его смерти Цветаева ощущала с ним непрерывную духовную связь: "Он умер 15 апреля и каждый раз, ежегодно, в этот день даёт о себе знать" [Козлова, 2010, с. 41]. Ему посвящены стихи "Ушедшему другу" и "Другу" [Цветаева, 1995, с. 46] (19, 87), а также эссе "Родные сени" [Цветаева, 1992a, с. 152-164].

4. Цветаева была арестована 2 сентября 1937 г., обвинялась в том, что "с 1923 года входила в руководящий состав антисоветской фашистской организации "Орден Розенкрейцеров", являясь личным секретарём главы организации Зубакина Б.М.". 10 января 1938 г. по статье 58 (пункты 10, 11) приговорена к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). В феврале отправлена в Бамлаг (Байкало-Амурский ИТЛ) в район Хабаровска (Дальневосточный край). Шестнадцать месяцев занималась тяжелой физической работы (поломойка, кубогрей, мытье котлов, стирка): "Через год стала старухой в 44 года...". С 1939 по 1940 гг. - в сметно-проектной группе под руководством А.А. Этчина. В марте 1941 г. этапирована в Бурлаг (Буреинский железнодорожный ИТЛ, пос. Тырма), где работала чертежником. В сентябре отправлена на стройку кирпичного завода (ст. Брусничная). Лагерь славился "тяжелыми... условиями труда и высокой смертностью". В 1942 г. переведена в лагерь № 4 на ст. Известковая (Облученский район, Еврейская автономная обл.), где давала уроки иностранного языка. 1 октября 1945 г. переведена в Ургальский ИТЛ Хабаровского края. 1 сентября 1947 г. окончился срок пребывания в Ургальском ИТЛ. 17 марта 1949 г. была вновь арестована и 1 июня приговорена к высылке на поселение в Сибирь (село Пихтовка Колыванского района Новосибирской обл.). В августе 1954 г. освобождена, но без снятия судимости, т. е. без права проживания в крупных городах. 15 сентября 1959 г. была реабилитирована "за отсутствием в ее действиях состава преступления" [Никитина, 2010, с. 713-717].

5. Поэзия. Альманах. М., 1988. №51; Москва. 1990. №2-4, 1995. №1; Звезда. 1990. №3, 1995. №1; Знамя. 1995. №1; Литературная Россия. 1993. №38. 22 окт.; Российские вести. 1994. №20. 5 февр. и др.

6. О духовном пути Цветаевой и ее кенотической религиозности см. подробнее: [Медведев, 2010, с. 120-125, 131-133]; [Медведев, 2010a, с. 207-210].

7. "Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет" (Иер. 31, 15).

8. Слова Иеремии (Иер. 31, 15) - пророческий прообраз вифлеемского избиения младенцев (Мф. 2, 18). "Евангелист только приложил к Вифлеемским событиям заимствованное им у Иеремии пророчество, или, лучше, образное изложение событий перед отведением иудеев в плен Вавилонский. <...> Пророк хочет сказать не то, что Рахиль действительно плачет, потому что ее не было уже в живых, а то, что если бы она восстала из гроба и прибыла в Раму, то стала бы плакать о потомках своих и была бы безутешна, потому что их нет, они отведены в плен Вавилонский. Совершенно в том же смысле применяет евангелист к младенцам, убитым в Вифлееме, плач Рахили" [Лопухин, 1911, т. 8, с. 49-50].

9. Египетское порабощение и выведение из него народа Моисеем (Исх. 1, 11-14; 3, 7-10; 20, 2); вавилонский плен при Навуходоносоре II (604-562 гг. до Р. Х.), который делит историю еврейского народа на допленный и послепленный периоды. В Библии говорится о семидесяти годах вавилонского плена: "И вся земля эта будет пустынею и ужасом; и народы сии будут служить царю Вавилонскому семьдесят лет" (Иер. 25, 11); "Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посещу вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие" (Иер. 29, 10).

10. О нечеловеческих условиях этапирования свидетельствует упоминание Цветаевой о том, что в холодном вагоне перевозили 94 человека, а в купе, рассчитанном на 4 человек, помещали семь человек [Леонтьев, 2010, с. 60].

11. К легенде об Агасфере обращались И. В. Гете, К. Ф. Шубарт, поэты-романтики (П.Б. Шелли, Н. Ленау, В.А. Жуковский), Э. Сю, Х. Борхес и др.

12. Цветаева вспоминала о чтении в детстве легенды о Летучем Голландце: "постигши главное "слово" - "Летучий Голландец",

главную непостижимость, любимую, ее унося или ею уносимая, - в сон" [Цветаева, 2008, т. 2, с. 68].

13. См. подробнее: [Медведев, 2012, с. 352-356].

14. Земля Ханаанская (Палестина), обещанная Богом в наследие Аврааму, Исааку и Иакову (Быт. 15, 18, Исх. 33, 1 и др.).

15. Образом Крысолова Цветаева отсылает читателя к поэмам, написанным на сюжет немецкой средневековой легенды, - "The Pied Piper of Hamelin" (1842) Р. Браунинга и "Крысолову" (1925) М.И. Цветаевой, о которых она упоминает в эссе "Томас Карлейль в моей жизни (Как я переводила Карлейля)" [Цветаева, 1992b, с. 209].

16. По традиции празднование Рождества (трапеза) начинается в Рождественский сочельник с появления на небе первой звезды - в память о Вифлеемской звезде, возвестившей пастухам о рождении Спасителя. С Вифлеемской звездой символически соотносима Венера, которая первой из звезд появляется вечером на западе после захода солнца, а утром перед его восходом исчезает последней, что дало повод назвать её Вечерней (греч. ???????, лат. vesper - вечерняя звезда) и Утренней звездой (греч. ????????, лат. lucifer - светоносный, лучезарный, сияющий): "Звезда, которая взирает страстно / На солнце то вдогонку, то с чела" (Рай, VIII, 11-12, пер. с ит. М. Лозинского) [Данте, 2001, с. 354]. Важнейшим контекстом для Цветаевой являются и размышления о П. Флоренского, раскрывающие метафизическую диалектику, мистику Венеры как вечерней и утренней звезды: "звезда, как надежда, как залог, как "иного бытия начало", как заветное волнение: Геспер есть Фосфор. <...> И, восходя в сердце, восходящая Звезда была прохладна, и девственна, и чиста. <...> золотое время Эдема <...> благодатная грусть сливалась с влажным сиянием Звезды Вечерней, такой бесконечно далекой, светящей из прозрачных изумрудовых бездн, и такой близкой, заходящей в сердце. Где-то вдали мерцала пастушья т?плина. И милой была она. И милыми были все сидевшие возле. И, как ранее, в Звезде Утренней, так и теперь, в Звезде Вечерней, сердце любило - Кого-то. <...> Смерть и рождение сплетаются, переливаются друг в друга. <...> Звезда Утренняя и Звезда Вечерняя - одна звезда. Вечер и утро перетекают один в другой: "Аз есмь Альфа и Омега" [Флоренский, 1990, т. 2, с. 19-22]. Мотив вечерней звезды присутствует у Цветаевой и в стихотворении

"А.С. Голатовской": "Над сопками залиловели дали, - / И в небе первый теплится алмаз" [Цветаева, 1995, с. 103].

17. Облако - образ присутствия Божия, Славы Божией (евр. shekhina), покрывавшей Скинию. Во время сороколетнего странствования народа Израильского по пустыне Господь в образе облака вел его в землю Обетованную: "Каждый раз, как поднималось облако от Скинии, сыны Израилевы снимали свои шатры и отправлялись в путь и где оно останавливалось, там они снова располагали свой стан. Ночью это облако делалось блестящим, как огненный столп, и предшествовало им, как дневное облако (Чис. 9, 15-23; Исх. 40, 39, 40)" [Скиния, 1891 (1990)]. В Евангелии Скиния выступает символом Христа (Евр. 9, 11-12) и Нового Иерусалима (От. 21, 3).

18. Меншиков Александр Данилович (1673-1729) - в 1727 г. был обвинён в государственной измене, хищении казны и сослан с семьёй в Берёзов Тобольской губернии, где умер в 1729 г. в возрасте 56 лет.

19. Меншикова Мария Александровна (1711-1729) - дочь А.Д. Меншикова и Д.М. Меншиковой (урожд. Арсеньевой), невеста Петра Сапегы, сына великого гетмана Литовского, а затем - императора Всероссийского Петра II. Попытка выдать её замуж за Петра II закончилась неудачей и падением Меншикова. Была отправлена вместе с отцом в ссылку в Берёзов, где в возрасте 18 лет умерла в том же году, что и отец.

20. М.А. Волошин так интерпретировал образ "опечаленной" "царской невесты", видя в отце и дочери "два психологических центра, взаимно повышающих и выделяющих друг друга": "надломленная власть, своеволие, непокорно ушедшее внутрь себя, и рядом безвинная обреченность, сознательная покорность судьбе" [Волошин, 1985, с. 79].

21. В тропаре праздника Благовещения от времени зачатия Сына Божия полагается начало спасения рода человеческого: "днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление...". Св. Иоанн Златоуст называл его первым праздником и корнем праздников. В народе день Благовещения считается величайшим праздником, в который должен быть общий покой и радость [Перетц, 1891, т. IV(7), с. 43].

22. "По народному поверью, самый большой праздник на небесах и на земле; грешников (как и на Пасху) в аду не мучать, птица

гнезда не вьет; кукушка за то без гнезда, что завилла его на Благовещенье" [Даль, 2001, т. 1, с. 129].

23. Кеносис (от греч. κένωσις - букв. "опоражнивание, пустота") - ключевой концепт православного богословия, означающий добровольно принятое Христом уничтожение. Слово "кеносис" восходит к словам апостола Павла о Христе, "Который, будучи в образе Божиим, не счёл для Себя хищением быть равным Богу, но ἐκένωσεν ("уничтожил" или "опустошил", "истощил", "умалил") Себя, приняв образ раба, быв в подобии человеческом и по виду став как человек. Он смирил Себя, быв послушным до смерти, и смерти крестной" (Фил. 2, 6-9; Перевод еп. Кассиана). Склонность русской души к евангельскому образу уничтоженного Христа Г.П. Федотов определил как русский кенотизм, увидев в нем отличие русской религиозности от византийского типа духовности [Федотов, 2001, т. 10, с. 95, 125, 329]. В основе кенотического типа духовности - религиозный опыт ап. Павла, переломным событием которого стала встреча с Господом: жестокий "хулиитель и гонитель" христиан стал ревностным проповедником Евангелия, апостолом для язычников (1Тим. 1, 13; Деян. 22, 17-21). Центром проповеди о Христе, "Евангелия" Павла, пережившего милующее снисхождение Божие, стал кеносис - тайна милующей, бесконечной, неизреченной любви Божией ко грешнику, раскрывающаяся в факте распятия Сына Божия.

24. Восходит к евангельскому образу "тьмы внешней", где "плач и скрежет зубов" (Мф. 8, 12; 22, 13; 25:30).

25. Увлечение Цветаевой астрологией выразилось в написанном в 1928 г. романе "SOS, или Созвездие Скорпиона" (машинопись, в 2 т.), который находился в архиве Цветаевой, изъятом после ее ареста и уничтоженном НКВД.

26. Сириус (греч. Σείριος от σείριος - палящий, знойный, жгучий, лат. Canicula - Собачья звезда) - самая яркая звезда небесного свода, находится в созвездии Большого Пса (? Canis majoris). "Чтобы отвратить пагубные действия палящего Сириуса, как-то засуху и смертоносные людские болезни и болезни скота, учреждены были в различных местностях Греции очистительные и примирительные жертвоприношения" [Любкер, 2001, т. 3, с. 297]. Римский астролог I века н. э. Марк Манилий писал о влиянии Каникулы (Сириуса): "Ни одна звезда не приходит к людям столь неистово и не заходит столь тяжело. <...> Так она движет мир из крайно-

сти в крайность и оказывает противоположные воздействия. <...> Она начинает войны и восстанавливает мир, возвращаясь по-разному. Так она движется, смотрит, взглядом управляет миром. <...> никогда более яркая звезда не поднималась на небо из океана и не возвращалась в его глубины" [Манилий, 1993, кн. 1]; "такое пламя изливает эта звезда, что превосходит все остальные, вместе взятые. Рождённые в момент восхода светила, чей огонь не мог погасить сам океан, будут обладать неукротимым духом и буйным нравом. Звезда одарит своих сынов порывами ярости, внушающей страх и ненависть людям" [Манилий, 1993, кн. 5]. В "Илиаде" о Сириусе, с которым сравнивается Ахиллес, несущийся к Трое убить Гектора в отмщение за гибель Патрокла, говорится: "Всех светозарнее блещет, но знаменем грозным бывает; / Злые она огневицы наносит смертным несчастным" (Илиада, XXII, 26-32, пер. с др.-греч. Н. Гнедича).

27. Марс - планета по имени античного бога войны (лат. Mars, греч. Ἄρης), "красноватая мерцающая" "планета цвета ржавого железа", астрологически рассматривается как "вестник несчастья": "Планета "горячая, сухая, острая, жестокая... Она имеет отношение к тираниям, войне, непредвиденным несчастным случаям" (Й.В. Пфафф, 1816) и управляет такими качествами, как активность, воля, энергия, агрессивная сексуальность <...>. Цвет, сопрягающийся с Марсом, кроваво-красный, его металл - железо <...>. Наблюдаемый с земли путь планеты образует петли обратного движения, что дает повод связывать это с приписываемой ей символикой (хаос, горячность, непредвиденные катастрофы, беззаконие)" [Бидерманн, 1996, с. 159].

28. Большая Медведица (лат. Ursa Major) - в древнегреческой мифологии нимфа Каллисто, превращенная Герой (или Зевсом, чтобы спасти её от мести Геры) сначала в медведицу, а затем вознесенная Зевсом в виде созвездия на небо. У греков это созвездие называлось "Колесницей (Возом)", что нашло отражение в "Божественной Комедии": "Пусть он представит, что над ним / Пятнадцать звезд сияют, оживляя // Небесный звезд мерцанием своим; / Тот Воз, что может вольно продвигаться, / Желаньем с ночью свидеться гоним (Рай, XIII, 5-9, пер. ит. Д. Минаева) [Данте, 2011, с. 572]. Созвездие являлось важнейшим ориентиром во время плавания, так, Одиссей на пути от Калипсо до феаков не сводил очей "с Медведицы, в людях еще Колесни-

цы / Имя носящей" (Одиссея, V, 273-274, пер. с др.-греч. В.А. Жуковского).

29. Ср. образ ущелий в детском переживании Цветаевой "Божественной комедии" Данте (в переводе Д. Минаева, с иллюстрациями Г. Доре), в которой она выше всего ценила "Рай": "Высокие остроконечные горы, сумрачные ущелья покидаемой жизни, из которых уходил Данте, его строгий скорбный профиль орла, струи одежды; первая вечерняя, последняя утренняя звезды, - и свет, свет, все ярче, чем выше, лившийся сверху, перья облаков, переходившие в перья ангельских крыл, их несметное, восхищавшее тишиной множество, - и все это, как бы струившееся еще выше, еще - в немыслимость ликования и сияния, - наполнило сердце такой радостью, что она тлеет в нем до сих пор, под всем пеплом сгоревших лесов и лавинами рухнувших гор жизни, и звучит в нем - тишиной" [Цветаева, 2008, т. 1, с. 66-67].

30. О Николае Николаевиче Мировне (1893-1951), с которым А. И. Цветаева познакомилась в Москве в 1912 г., см. в "Воспоминаниях" [Цветаева, 2008, т. 2, с. 155-179] и в романе "Апог" [Цветаева, 1991, с. 118-126, 320-322].

31. См. примеч. 16, 36, 37.

32. Исихия (греч. ησυχία - "безмолвие сердца") - ключевой концепт исихазма (безмолвничество), древней мистической практики и богословской традиции восточно-христианского монашества, в основе которой - творение молитвы Иисусовой. Свое богословское осмысление практика "умного делания", исихастская мистика безмолвия и света получила в учении св. Григория Паламы (†1359) о Фаворском свете и божественных, нетварных энергиях.

Греческие значения "исихии" ("внутреннее безмолвие, молчание, покой, уединение") влились в *цсл.* **Тихий, Тихость, Тишина** (а через них и в русск. "тихий", "тишина"), звукообраз которого фонетически оказывается ближе к исихии, чем "молчание" и "безмолвие": "**Тихий** - благосклонный, кроткий; тихий, спокойный; безмятежный, тихий. **Тихость** - ясность духа. **Тихостный** - тихий, кроткий" [Григорий Дьяченко, 1898 (1993), с. 722]; "**Тишина** - морской штиль, спокойствие" [Седакова, 2005, с. 356-357]. "**Тихость**" - сущностная черта православного образа Христа, например, в "Каноне молебном ко Пресвятой Богородице", где Он именуется с отсылкой к евангельскому чуду прекращения Христом "великой бури" (Мк. 4, 37-40) "**Начальником тишины**" [Православный, 1993, с.

30], или у преп. Силуана Афонского: "Твой *тихий*, кроткий взор душа забыть не может" [Силуан Афонский, 2000, с. 17, 25, 38]. *Цсл.* и *русск.* "тихий", как и "тёплый" (*цсл.* "**Теплая** (горячая, ревностная) **Предстательница**"), образует сам образ традиционно-русского православия - "тихого и тёплого" [Седакова, 2005, с. 17].

33. "Тишина - один из характернейших для Жуковского образов ("О тихое небес задумчивых светило" - "Вечер"; "Душа полна прохладной тишиной" - "Рыбак"; "Сладкой тишиной" - "К месяцу"; "Смущая тишину паденьем" - "Славянка" и т. д.)" [Семенко, 1970, с. 79]. Наиболее концептуально мотив тишины представлен в элегии "Славянка" (1815): тишина березовой рощи ("И воцарилась повсюду тишина") становится мистическим пространством "видения прекрасного", сакральной встречи души с "невидимым", с "чистым ангелом". О тишине как ключевом концепте христианства и романтизма (поэзия В.А. Жуковского и проза В.В. Розанова) см.: [Медведев, 2012, с. 28-45].

34. Бернадетта Лурдская (урожд. Мари-Бернарда Субиру; 1844-1879, канонизирована в 1933 г.) - католическая святая, которой в 1858 г. в 14-летнем возрасте в гроте близ Лурда являлась Дева Мария. Лурд с чудотворным источником стал одним из главных центров католического паломничества.

35. Святитель Григорий Богослов (4 в.): "Говори, когда имеешь нечто лучше молчания, возлюби безмолвие, где молчание лучше слова; ты знаешь, что похвально заповедать чин устам (Притч. 31, 26); об ином говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но без огорчения" [Григорий Богослов, 2000, т. 1, с. 561-583]. Св. Григорий Богослов отсылает в свою очередь к библейскому источнику: "Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее" (Прит. 31, 26).

36. О Венере как вечерней и утренней звезде см. прим. 16. По Ноттеру, в "Божественной Комедии" Венера как утренняя "звезда божественной любви первая сверкает над горою Чистилища пришельцу из страны грешников, отвратившихся от любви к Богу" [Данте, 1902, с. 190]: "Уже давно Венерой заблиставшей, / Дразнил восток, алея надо мной. // И светоч Рыб, ее сопровождавший, / Звезду своим сияньем не затмил: / Она была любых созвездий краше" (Чист. I, 20-24, пер. с ит. Д. Минаева); "Был час, когда, любовь тая в огне, / Задумала Венера появить-

ся" (Чист. XXVII, 113-114, пер. с ит. Д. Минаева) [Данте, 2011, с. 274, 456].

37. В христианской традиции Утренняя звезда - символ Христа: "Хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших" (2 Пет. 1, 19); "и дам ему звезду утреннюю" (От. 2, 28); "Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя" (От. 22, 16).

38. Гора - библейский символ молитвенной устремленности к Богу. В Ветхом Завете гора - место Богоприсутствия, Его неприступной славы ("святая гора" Сион - Иоил. 3, 17, на которой построен Иерусалим и храм Соломонов (2 Пар. 33, 15; Пс. 2, 6; 67, 16)), место Богоявления Моисею (Хорив (Синай) - Исх. 3 и 4; 24, 16; Вт. 5, 4-5). В Новом Завете гора - пространство Преображения Господня ("гора высокая" Фавор - Мф. 17, 1; Мк. 9, 2), искушения Христа ("высокая гора" - Мф. 4, 8; Лк. 4, 5), Нагорной проповеди о блаженствах (Мф. 5, 1), Распятия (Голгофа - Мф. 27, 33; Мк. 15, 22; Ин. 19, 17), Вознесения (Елеон - Деян. 1, 12), а также духовного вознесения ап. Иоанна Богослова в "Апокалипсисе" (От. 21, 10).

Литература

Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. - М., 1996.
"Встреча с Вечностью": из бесед, воспоминаний и писем А. И. Цветаевой / публ. Г. К. Васильева, Г. Я. Никитиной, А. А. Медведева // Вестник РХД. - Париж-Н.-Йорк-М., 2004. - № 2(188).

Григорий Богослов, святитель. Собрание творений: в 2 т. / Григорий Богослов. - Мн.-М., 2000.

Григорий Дьяченко, свящ. Полный церковно-славянский словарь / Григорий Дьяченко. - М., 1898(1993).

Васильев, Г. К. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой) / Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина // Вестник РХД. - Париж-Н.-Йорк-М., - 2004. - №2(188).

Волошин, М. А. Суриков / М. А. Волошин. - Л., 1985.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. - М., 2001.

Данте, А. Божественная комедия / А. Данте; пер. с ит. Д. Минаева. - М., 2011.

Данте, А. Божественная комедия. Новая жизнь. Стихотворения,

написанные в изгнании. Пир / А. Данте; пер. с ит. М. Лозинского. - М., 2001.

Данте, А. Божественная комедия. Чистилище / А. Данте; пер. с ит., комм. Д. Мина. - СПб., 1902.

Донская, Д. А. Цветаева. Штрихи к портрету. Дневниковые записи / Д. А. Донская. - Орехово-Зуево, 2002.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. - Л., 1972-1990.

Кенжеев, Б. Стихотворения / Б. Кенжеев. - М., 1995.

Козлова, Л. Н. Милая Анастасия Ивановна, простите меня, если что не так! / Л. Н. Козлова // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой / сост. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева; примеч. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, В. И. Масловский; науч. ред. В. И. Масловский. - М., 2010.

Леонтьев, Н. П. Картинки прошлого Достоевский / Н. П. Леонтьев // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой / сост. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева; примеч. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, В. И. Масловский; науч. ред. В. И. Масловский. - М., 2010.

Лопухин, А. П. Вавилонское пленение / А. П. Лопухин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: [В 86 т.]. - СПб., 1891.

Лопухин, А. П. (ред.) Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: [в 11 т.] / А. П. Лопухин. - СПб., 1904-1913.

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей: в 3 т. / Ф. Любкер. - М., 2001.

Мандельштам, О. Э. Сочинения: в 2 т. / О. Э. Мандельштам. - М., 1990.

Манилий, М. Астрономика: [в 5 кн.] / М. Манилий. - М., 1993.

Медведев, А. А. "...Ведь это родной дом!..": А. И. Цветаева и Ф. М. Достоевский / А. А. Медведев // А. И. Цветаева: жизненный путь и творческое наследие / ред.-сост. И. Ю. Белякова, Л. А. Викулина. - М., 2010.

Медведев, А. А. "И открылась мне та дорога...": метафизика каторжной дороги в русской поэзии XIX-XX вв. / А. А. Медведев // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. - М., 2012.

Медведев, А. А. "Родственные души": А. И. Цветаева и В. В. Розанов / А. А. Медведев // А. И. Цветаева: жизненный путь и

творческое наследие/ ред.-сост. И. Ю. Белякова, Л. А. Викулина. - М., 2010а.

Медведев, А. А. Тишина как духовный концепт в творчестве В. В. Розанова / А. А. Медведев // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия "Гуманитарные науки": Энтелехия. - Кострома, 2012. - № 25.

Некрасов, Н. А. Русские женщины ("Княгиня Трубецкая (1826 год)", "Княгиня М. Н. Волконская (бабушкины записки) (1826-1827 г.)") / Н. А. Некрасов // Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. - Л., 1982.

Никитина, Г. Я. (сост.) Краткая хроника жизни и творчества А. И. Цветаевой / Г. Я. Никитина, В. И. Масловский // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой / сост. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева; примеч. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, В. И. Масловский; науч. ред. В. И. Масловский. - М., 2010.

Никифор, архим. Скиния / Никифор // Библейская Энциклопедия архимандрита Никифора. - М., 1891 (1990).

Перетц, В. Н. Благовещение / В. Н. Перетц // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: [в 86 т.]. - СПб., 1891.

Православный молитвослов и Псалтырь. - М., 1993.

Пухальская, Г. Встречи с А. И. Цветаевой / Г. Пухальская. - Ставрополь, 1996.

Пчелин, А. В. Она боролась за каждую минуту бытия (Из дневниковых записей 1984-1993 гг.) / А. В. Пчелин // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой / сост. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева; примеч. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, В. И. Масловский; науч. ред. В. И. Масловский. - М., 2010.

Седакова, О. А. Церковнославяно-русские паронимы: матер. к словарю / О. А. Седакова. - М., 2005.

Семенко, И. М. Поэты пушкинской поры / И. М. Семенко. - М., 1970.

Сен-Пьер, М. Бернадетта и Лурд / М. Сен-Пьер; пер. с фр. А. И. Цветаевой. - М., 2006.

Силуан Афонский, преп. Псалмы. Молитвы / Силуан Афонский. - М., 2000.

Смирнов, М. О. Последний луч Серебряного Века (О стихах, писателях и другом...) / М. О. Смирнов // Последний луч Серебряного века: Воспоминания об Анастасии Цветаевой / сост. Г. К.

Васильев, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева; примеч. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина, В. И. Масловский; науч. ред. В. И. Масловский. - М., 2010.

Тарковский, А. Благословенный свет: избранные стихотворения / А. Тарковский. - СПб., 1993.

Федотов Г. П. Русская религиозность / Г. П. Федотов // Собр. соч.: в 12 т. - М., 2001.

Флоренский П., свящ. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) / П. Флоренский // [Сочинения: в 2 т.]. - П.А. Флоренский. - М., 1990.

Хождение Богородицы по мукам / подгот. текста, пер. и коммент. М. В. Рождественской // Библиотека литературы Древней Руси. - СПб., 2004.

Цветаева А. И. Апог: роман и повесть / А. И. Цветаева. - М., 1991.

Цветаева, А. И. Воспоминания: в 2 т. / А. И. Цветаева; подгот. текста, предисл. и примеч. Ст. Айдиняна. - М., 2008.

Цветаева, А. И. Мой единственный сборник: стихи / А. И. Цветаева; сост. и коммент. Ст. Айдиняна. - М., 1995.

Цветаева, А. И. О Марине, сестре моей / А. И. Цветаева // Неисчерпаемое. / Цветаева А. И. - М., 1992.

Цветаева, А. И. Родные сени / А. И. Цветаева // Неисчерпаемое. / Цветаева А. И. - М., 1992а.

Цветаева, А. И. Томас Карлейль в моей жизни (Как я переводила Карлейля) / А. И. Цветаева // Неисчерпаемое / Цветаева А. И. - М., 1992б.